

С.П. Куртеев

**Жизнь преподобного
Трифона**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
С11

С11 **С.П. Куртеев**
Жизнь преподобного Трифона / С.П. Куртеев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 47 с.

ISBN 978-5-458-26463-1

Жизнь преподобного Трифона и блаженного Прокопия, Вятских чудотворцев. Автор - иеросхимонах Стефан (Куртеев Семен Петрович; 1830-1890).

ISBN 978-5-458-26463-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

На другой день, послѣ утрени, подходитъ въ церк-
ви къ стоявшему у нищихъ Яковъ Строгановъ, у кото-
раго одинъ въ живыхъ оставался сынъ и тотъ посто-
янно былъ хворый. Вельможа ублажаетъ блаженного,
хвалить его богомудрую жизнь и проситъ помолиться
Богу о выздоровленіи своего сына, обѣщая всегда по-
могать ему въ нуждѣ. Кто вчера потерпѣлъ уничиже-
ніе отъ рабовъ и посмѣяніе отъ всѣхъ людей, тотъ толь-
ко и могъ сказать: „кто я такой—червь, а не чело-
вѣкъ,—и могу ли кому помочь?“—Однако зная, что
всякій, кто призоветъ имя Господне, спасется (Дѣян.
2, 21) и вѣруя сему вполне, рѣшился исполнить усерд-
ную просьбу господина (великаго въ той странѣ); и
такъ какъ горяча была его молитва о выздоровленіи
боярскаго сына, то доголѣ больной скоро послѣ сего, къ
удивленію и радости знатнаго дома, сдѣлался здоровъ,
какъ никогда не бывало. Сдѣлавшись чрезъ то извѣ-
стнымъ всѣмъ роднымъ Строганова и не терпя славы,
которая бываетъ помѣхою къ достиженію славы Божі-
ей, пришлецъ ушелъ оттуда и въ селѣ Никольскомъ
привиталъ, яко птица, не имѣющая гнѣзда.

Домъ нищелюбивой жены приказнаго сдѣлался его
пристанищемъ; у ней былъ двухлѣтній сынъ при смер-
ти. Слезы матери, горячія слезы о умирающемъ маль-
чикѣ принудили блаженного сказать ей: „печаль свою
возверзи только на одного Господа, и Онъ тебя утѣ-
шитъ.“ Прошла ночь, проведенная святымъ въ молит-
вѣ, и мальчикъ пробуждается веселый и начинаетъ
играть. Припадши къ ногамъ блаженного, благодарная
мать просила—половину имѣнія взять у ней; но кому
такъ близка помощь свыше, тому ли земнымъ обремен-
ять себя? И Трофимъ, чтобъ не гонять себя съ мѣста
на мѣсто изъ-за славы, которая слѣдовала за нимъ,

какъ тѣнь, приходитъ въ Пыскорскій монастырь (нынѣ село Пыскоръ, на красномъ мѣстѣ выше Усолья).— предъ нимъ лѣтъ за пять основанный Аппкою Строгановымъ,—и здѣсь, будучи 22 лѣтъ, поступилъ въ монахи. Объявилась, яко орля, юность его и подобно какъ при крещеніи, дано было ему новое имя: Трифонъ.

Среди малаго братства не мало дѣлъ было дано молодому иноку, крѣпкому духомъ и потому терпѣливому въ подвигахъ: приводилось ему ссыкать свѣчи, печь просфоры и пономарить; другое послушаніе: мѣсить хлѣбъ, носить воду и дрова даже изъ лѣса на себѣ,—(монастырь былъ у самаго лѣса). Доставало усердія на все,—п за большими пренематривать, и очищать ихъ келліи отъ помета и сора; и все это исполнялось въ радости, безъ роптанія и лѣности. А ревность къ молитвѣ была такая, что лѣтомъ онъ уходилъ въ лѣсъ, обнажалъ себя до пояса, чтобы комары и мошки не давали ему заснуть на молитвѣ. Церковной службы и келейнаго правила онъ не любилъ оставлять, называя это грѣшнымъ дѣломъ: всегда находился въ трудахъ, чтобы отогнать духъ праздности и унынія.

Не мимо идутъ слова пророка: много скорбей у праведнаго (Ис. 33, 20). Безъ беззаконія текохъ,—могъ бы сказать о себѣ Трифонъ, однако предается болѣзни, лишается пищи и сна, не можетъ самъ поворотиться и 40 дней остается въ такомъ положеніи Трифонъ неподобный. Уже ждетъ себѣ не живота, а смерти, и предается умильному плачу,—не потому, что не хочется помереть, но объ одномъ всегда его забота: какъ бы не лишиться вѣчной жизни. Плачь затихаетъ и праведникъ дремлетъ: и вотъ свѣтовидный юноша стоитъ на правой сторонѣ и говоритъ: „я твой хранитель, посланъ отъ Бога взять твою душу“. И встаетъ

онъ безболѣзненный, легкій, притомъ и крылатый; оглядывается и видитъ землю: ангелъ несется, и душа за нимъ. Скоро не видно стало и земли; одинъ только чудный свѣтъ окружалъ ихъ. Но голосъ съ неба остановилъ молніеносный полетъ ихъ; „не пришло время принять его сюда; возврати на землю“. И ангелъ принесть душу обратно; преподобный пришелъ въ себя. Видѣніе продолжалось съ полудня и до вечера; братія были въ полѣ и не видѣли, какъ преподобный лежалъ бездыханенъ.

Пришедши въ себя, онъ посмотрѣлъ на иконы и просилъ пришедшаго въ тотъ часъ Серапіона покадить предъ ними; потомъ опять долго не переставалъ плакать, прося Матерь Божію, да поможетъ ему спастись, и Николая Чудотворца, да исцѣлитъ его. И вотъ видитъ на яву: сѣдовласый и плѣшивый старецъ въ свѣтлой ризѣ стоитъ у изголовья съ крестомъ въ рукѣ и говоритъ: „что, рабъ Божій, изнемогаешь?“ — „Зѣло изнемогаю“, отвѣчалъ преподобный. — „Востани и ходи“. — „Не могу никакъ“. — И старецъ, взявъ его за руку, поднялъ, осыпалъ его крестомъ и сказалъ: „востани и ходи“. Преподобный вдругъ почувствовалъ, что болѣзнь его оставила, и отъ удивленія спросилъ „кто же это ты?“ — „Я, Николай, рабъ Господа нашего; къ тебѣ посланъ исцѣлитъ тебя за то, что имѣешь великую вѣру въ Бога и призываешь меня на помощь; ты же трудись во славу Божію, и я тебѣ буду во всемъ помогать“. — Чудотворецъ вдругъ сталъ невидимъ, и Трифонъ почувствовалъ въ сердцѣ дивную радость.

Съ тѣхъ поръ чудодѣйствующая вѣра еще сильнѣе стала дѣйствовать въ немъ и скоро проявилась въ слѣдующихъ чудесахъ: нѣкто изъ зырянъ близъ живущихъ привелъ въ обитель бѣсноватую дочь и, допро-

спившись, кто есть Трифонъ, сталъ у преподобнаго просить ей исцѣленія (вѣроятно, понуждаемый силою Божіею, бѣсъ въ ней началъ просить). Видя страдавшую отъ бѣса и вѣру отца ея, къ тому же вспоминая слово апостола: много можетъ усиленная молитва праведнаго (Іак. 5, 26), преподобный Трифонъ—долгое время не выходилъ изъ келліи, постился и все молился со слезами. Потомъ окропилъ и напоилъ больную святою водою, велѣлъ приложить къ образу Богоматери, и больная съ тѣхъ поръ избавилась отъ духа мучителя. Еще у крестьянина въ монастырской слободѣ двухлѣтній сынъ былъ при смерти; отецъ, испросивъ дозволенія у строителя (начальника монастыря), принесъ своего больного къ преподобному въ келлію и съ плачемъ просилъ его помочь великому его горю.—„Что ты много думаешь обо мнѣ?—говорилъ ему преподобный;—я хуже всѣхъ, а ты понуждаешь къ такому дѣлу; но если ужъ такъ вѣришь, то помолимся вмѣстѣ“.—И вскорѣ больной оздоровѣлъ.

Всеобщая молва, а еще болѣе зависть нѣкоторыхъ изъ братіи принудили преподобнаго уйти изъ монастыря. Преданный упованію на одного Бога и огражденный отъ врага, какъ щитомъ, постомъ и молитвою, одинъ въ малой лодкѣ плыветъ преподобный внизъ по Камѣ болѣе ста верстъ и слезно Бога проситъ показать ему мѣсто, гдѣ бы онъ не въ погибель, а во спасеніе могъ пожить какъ себѣ, такъ и ближнимъ. И вотъ, въ одно тихое утро, вдали,—среди дремучаго лѣса, слышался голосъ внятный: „рабъ мой, Трифонъ! здѣсь вселись“.—Преподобный подумалъ: „кто я, чтобы могъ слышать голосъ Божій?“—Тогда голосъ тотъ же еще два раза повторился, и душу преподобнаго объяла дивная радость. Онъ повернулъ на голосъ и плылъ вверхъ

по рѣкѣ Мулѣ около пяти верстѣ до мѣста, гдѣ двѣ Мулянки соединяются въ одну. Здѣсь показалось очень пустынное мѣсто; между рѣчками, на полянѣ, усѣянной цвѣтами, стояли громадныя, древнія деревья; они высоко поднимались къ небу. Поставивъ въблизи сего мѣста малую хижину, Трифонъ началъ пропзводить безмолвную жизнь со многими слезами; сарана (трава, у которой луковницу ѣдятъ) служила ему пищею, ибо ея здѣсь было много.

Дивное для души озареніе бываетъ въ безмолвной жизни,—тамъ, гдѣ вѣтъ никакихъ разговоровъ, кромѣ бесѣды съ Богомъ, и нѣтъ иныхъ помышленій, какъ только о Богѣ. Но этотъ свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка, сѣдящаго во тьмѣ смертной, свѣтится лишь только тому, кто разумно внимаетъ откровеніямъ Вышшняго. Преподобный же хотя и творилъ чудеса,—ибо по вѣрѣ своей все получалъ просимое у Бога,—однако не могъ еще понимать всѣхъ Божественныхъ изреченій и потому умыслилъ сотворить прилежную Богу молитву, да отверзетъ умъ его—„разумѣти книжное писаніе“.—Часто преклоняя колѣна, проливалъ онъ многія слезы; тужилъ, когда чего не понималъ при чтеніи Божественнаго Писанія, и взывалъ, подобно Давиду: истомилась душа моя желаніемъ судовъ Твоихъ во всякое время; яви милость рабу Твоему, открой очи мои, и увижу чудеса закона Твоего (Пс. 118, 17—20). И такъ какъ молитва его была усердна, съ благоговѣніемъ, то и былъ онъ услышанъ: съ тѣхъ поръ, всегда пребывая во свѣтѣ Господнемъ, онъ видѣлъ свѣтъ живота вѣчнаго ясно для ума и ощутительно для сердца. Это служило для него бытіемъ безсмертнымъ, начаткомъ вѣчнаго блаженства; и за то въ радости преподобный благословлялъ Господа

во всякое время, и выну (всегда) хвала Ему была въ устахъ его.

Близъ мѣста, гдѣ жительствоваля преподобный, было жилище остяковъ, — идолопоклонниковъ, которые любили жить въ лѣсахъ и боготворили или чтили какую либо рощу и въ ней поклонялись предъ великимъ деревомъ. Собралось разъ къ преподобному остяковъ до 70 (онъ тогда копалъ землю, чтобы посѣять хлѣбныя зерна на ней), и спросилъ его старшина ихъ: „ты кто? откуда пришелъ? зачѣмъ живешь здѣсь и что дѣлаешь?“ — И Зевендукъ при этомъ объяснилъ еще: „ибо я много видѣлъ: то поднимается надъ этимъ мѣстомъ паръ, то дымъ, то огнеплый стоитъ столпъ, и затѣмъ пришелъ посмотрѣть сюда“. — Преподобный отвѣчалъ: „мня мое Трифонъ; я рабъ Бога моего Иисуса Христа и сюда пришелъ послужить Ему“. — „А кто Богъ твой и почто ты сталъ Его рабомъ?“ спросилъ еще старшина; и преподобный разсказалъ ему о жизни Иисуса Христа, — какія онъ творилъ чудеса, какъ былъ распятъ и воскресъ изъ мертвыхъ и вознесся на небо. Проповѣдалъ еще объ ожиданіи воскресенія всѣхъ мертвыхъ, о страшномъ судѣ и Судіи, сѣдящемъ на облакахъ; при семъ указывалъ и на то, — что есть истинный Богъ, Которому должны работать или служить всѣ люди. Послѣ, разсказывая о семъ своему князю (Амбалу), остяки съ старшиною говорили: „ни мы, ни отцы наши не слыхали такой повѣсти ни отъ кого“.

На полянѣ, гдѣ было кладбище остяковъ, стояло древнѣйшее дерево (елевое), толщиною въ три обхвата слишкомъ; прутья были по четыре сажени и болѣе. Къ нему изъ дальнихъ мѣстъ пріѣзжали остяки и вогулы приносить свою жертву за удачи въ звѣрипой ловлѣ; и вѣшали на немъ шкурки звѣриныя, шири-

ки и серги; такъ мужчины и женщины украшали своего лѣснаго бога. Разъ пришелъ къ преподобному русскій торговецъ и разсказалъ, какъ пѣкто изъ города Чердыня посмѣлся надъ служеніемъ остяковъ этому дереву и къ вечеру занемогъ и умеръ. Преподобный захотѣлъ срубить это дерево, служившее соблазномъ и погибелью многихъ душъ, и тотъ далъ ему стальной топоръ, который могъ рубить желѣзо. Чтобы избавить остяковъ отъ владычества духа тьмы, князя вѣка сего, власть котораго разрушается, какъ Господь сказалъ, постомъ и молитвою, — преподобный Трифонъ четыре недѣли пребывалъ въ постѣ и непрестанной молитвѣ, да явить Господь этимъ людямъ милость Свою; и тогда взялъ на себя икону Спасителя съ предстоящими Богородицею и Крестителемъ и срубилъ, и сжегъ то дерево.

О семъ тотчасъ допесено было Амбалу, и князь со множествомъ народа пришелъ къ преподобному и тихимъ голосомъ спросилъ его: „удивляюсь, какъ ты могъ сгубить дерево то, которое почитали за бога мы и отцы наши; этого никто до тебя не сдѣлалъ, хотя бы и былъ кто вѣры вашей. Бывало и посмѣется кто надъ нимъ, и за то погибалъ; а ты сжегъ его и остался живъ. Скажи же, какой богъ это сдѣлать помогъ тебѣ; или ты сильнѣе нашихъ боговъ“? Преподобный на сіе отвѣчалъ: „развѣ не слыхалъ о томъ Богѣ, Котораго я проповѣдую вамъ? Его силою я, — меньшій Его слуга, — сдѣлалъ то, чему вы удивляетесь, чтобы не служило дерево то въ погибель вамъ и дѣтямъ вашимъ“. И всѣ слушающіе говорили: „великъ христіанскій Богъ, сильнѣе нашего бога“!

Однако князь ѣздилъ въ Сольвычегодскъ и жаловался городничему: „господинъ! естъ у нашего поля

живеть вашей вѣры, въ худой черной одеждѣ; было у насъ на кладбищѣ молебное дерево нашего бога, и онъ его погубилъ. Не знаемъ, что съ нимъ сдѣлать; а онъ велитъ намъ креститься, вѣровать въ вашего распятаго Бога“.—Тутъ случилось быть прикащику Строганова, который зналъ о преподобномъ и говорилъ остякамъ: „что вы гнѣваетесь на святаго? Онъ васъ учитъ вѣровать въ Бога истиннаго; вѣруйте и получите блаженство“.—„Пусть такъ будетъ“, отвѣчали тѣ и возвратились въ радости.

Но и духъ поднебесной злобы свое творилъ: онъ прозвелъ въ ту пору нашествіе черемисъ на страну эту, и они грабили суда на Камѣ и ловили людей. Остяки на своемъ совѣтѣ рѣшили убить Трифона, чтобы онъ не показалъ ихъ жилищъ въ лѣсу, когда черемисы къ нему придутъ. За толпой убійцъ пошли и русскіе, бѣжавшіе изъ плѣна отъ черемисъ,—имъ хотѣлось посмотреть на кончину мученика. И что же? долго искали и не нашли даже келліи его, въ которой онъ стоялъ тогда и молился Богу. Впослѣдствіи уже, когда черемисы удалились въ свое мѣсто, остяки снова увидали келлію преподобнаго, съ удивленіемъ говорили: „великъ христіанскій Богъ! хорошо хранить своихъ рабовъ: вѣруемъ и мы въ Него“.

Первые изъ принявшихъ святое крещеніе были дочери князей Амбала (остяцкаго) и Бебяка (вогульскаго). Новокрещенныя отъ радости приносили святому медъ, воскъ и хлѣбъ; онъ изъ любви къ нимъ принималъ сіе и благодарилъ Бога за спасеніе людей сихъ. И прожилъ тутъ преподобный около 6 лѣтъ.

Между тѣмъ событія не радостныя произошли въ Пыскорскомъ монастырѣ,—теченіе соляного разсола испортилось, и завистники праведнаго мучились разными

болѣзнями; потому и просили братія, чтобы Строганова прикащикъ послалъ за Трифономъ и привезли бы его въ обитель. (Всякъ ищетъ выгоды себѣ и не смотритъ на душевную пользу ближнихъ). Посланные, одни изъ лучшихъ, чуть не потонули, бурю разбило лодку; на новой доплывши, усердно просили преподобнаго возвратиться въ свой монастырь. Преподобный плакалъ и говорилъ: „кто я, чтобы искуать моего окаянства? Дайте мнѣ сидѣть здѣсь и плакать о грѣхахъ моихъ“. —Посланные отвѣчали: „мы должны волю начальника исполнить: а ты можешь, какъ хочешь, и опять уйти“.

Встрѣтили преподобнаго на берегу братія съ настоятелемъ, поклонились ему до земли, обливаясь слезами, и онъ просилъ у каждого прощенія. Ему дали келлію, и жилъ онъ въ безмолвіи, какъ сказано въ его жизнеописаніи: „не излазя изъ келліи, но присно молящися Господеви“. Вскорѣ строитель и братія стали его просить помолиться Богу, чтобы теченіе разсола было по прежнему, но онъ говорилъ: „сотворимъ молитву вси вкуупъ“. —И сколь сильна молитва праведнаго, Богъ показалъ и при семъ; ибо хотя и ранѣе былъ мастеръ посланъ отъ прикащика (управляющаго заводами г. Строганова), по при всемъ стараніи его не помогла очистка трубъ; теперь же лишь только начали, по совѣту преподобнаго, молиться — „внезапу поиде разсолъ вяще прежняго“. —И была у всѣхъ радость; только Василій дьячекъ, наносившій обиды преподобному болѣе всѣхъ, лежалъ еще въ разслабленіи и просилъ, чтобы пришелъ къ нему Трифонъ. Вскорѣ, какъ преподобный къ нему пришелъ и помолился Богу, сдѣлался здоровъ и Василій. Но вотъ и еще чудо: мальчикъ четырехъ лѣтъ, не говорившій отъ рожденія ни слова, приведенъ былъ къ преподобному и, по молит-

въ его. вдругъ заговорилъ. Это такъ удивило отца, что онъ послѣ самъ поступилъ въ монахи.

Слава о преподобномъ опять понудила его искать безлюднаго мѣста; и къ тому же былъ у него обычай уединяться болѣе и совершать молитву, какъ сказано,— „ищещеславу и нематежу.“—Испросивъ у Якова и Григорія Строгановыхъ дозволенія поселиться въ ихъ отчинѣ на безмолвномъ мѣстѣ, онъ обошелъ много пустынныхъ горъ и лѣсовъ, и въ бору, въ 70 верстахъ отъ нынѣшняго города Перми, на высокой и крутой горѣ при рѣкѣ Чусовой построилъ себѣ хижину. Это мѣсто, по своимъ видамъ грозное и величественное, наводило ужасъ на суетныхъ жителей сего края; инымъ мнилися неистовые крики и хохотъ лѣснаго, и отъ испуга сіи впадали въ болѣзнь. Но когда преподобный освятилъ сіе мѣсто своимъ вселеніемъ и своими молитвами, жители перестали бояться кикиморы, какъ думали они, живущей на томъ мѣстѣ. Здѣсь была построена преподобнымъ часовня и въ ней поставлено много иконъ. Многіе приходили къ нему помолиться и уходили въ радости.

Случились и здѣсь событія замѣчательныя: у крестьянина, за 7 верстъ отъ пустыньки преподобнаго, жена была бѣсновата; и видѣла она во снѣ жену, похожую на образъ Богоматери, которая сказала ей: „пойди въ часовню къ Божію рабу, Трифону, тамъ ты получишь исцѣленіе.“—Мужъ привелъ ее, и бѣсъ сталъ здѣсь жестоко ее мучить. Преподобный же былъ сострадателенъ, молился о ней со слезами, читалъ молитву на прогнаніе злаго духа, потомъ окропилъ ее святой водой, и она затряслась,—бѣсъ тотчасъ вышелъ. Еще въ 10 верстахъ мучилъ одного мужичка духъ неистовый, и когда его подводили къ пустынькѣ, онъ упирался, ре-